

ПРОБЛЕМА ГЕТТИЕРА: ЧТО ДЕЛАТЬ С ГОЛОВОЛОМКОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ?

Демин Тимофей Сергеевич – аспирант.

Санкт-Петербургский
государственный
университет.
Россия, 199034,
г. Санкт-Петербург,
Менделеевская линия 5;
e-mail: detimofei@gmail.com

Теории, отвечающие на вопрос «Что такое знание?», возникли в аналитической эпистемологии под влиянием проблемы Геттиера – способа опровержения таких теорий знания, составными элементами которых являются истина и убеждение. В работе рассмотрены основные стратегии решения проблемы Геттиера: введение дополнительных элементов к обоснованию, усиление самого обоснования, замена обоснования другим критерием, отказ от выведения теории знания через необходимые и достаточные условия, отказ от признания существования единого понятия знания. В рамках каждой стратегии дается анализ избранных теорий знания. В заключение приведена критика проблемы знания как проекта с переоцененной значимостью, которая демонстрирует необходимость создания новых аргументов для постановки вопроса «Что такое знание?».

Ключевые слова: эпистемология, знание, проблема Геттиера, релейабиллизм, каузальная теория, контекстуализм, знание прежде всего

GETTIER PROBLEM: WHAT SHOULD WE DO WITH THE PUZZLE OF ANALYTICAL EPISTEMOLOGY?

Timofey S. Demin – PhD-student.
Saint-Petersburg State
University.
5 Mendeleevskaya line,
199034, Saint-Petersburg,
Russian Federation;
e-mail: detimofei@gmail.com

Theories, that answering the question “What is knowledge?” in analytic epistemology appears under the influence of Gettier cases – a way of refutation such theories of knowledge, that have truth and belief as constituent elements. In the paper were analyzed basic strategies of solving the Gettier problem. One way is to save the analysis of knowledge by changing the elements in order to avoid the Gettier problem. There are three possible ways of doing so: adding new elements to the justification, changing the justification on the other criteria or strengthen the justification in such a way, that it would resolve any possible Gettier cases. For each strategy analysis of the theories of knowledge is given. In the paper idea of the inescapability of Gettier cases for analysis of knowledge was supported by the argumentation of Linda Zagzebski. In that ground, the analysis of knowledge was refuted. From that perspective, two of the most influenced ways of answering the question “what is knowledge” was proposed. First, the irreducible theory of knowledge, where knowledge is a mere state of the mind. Second, rejection existence of the universal

invariant of the knowledge in every case. There are multiple senses of what the knowledge is and none of them is prior to other. The author lives as the open question the right way to think about the knowledge. In the closing part of the paper, the author presents a perspective critique of the knowledge problem as the project of overrated significance, and argues for a need to create new arguments that supporting that problem.

Keywords: epistemology, knowledge, Gettier problem, reliabilism, causal theory, contextualism, knowledge first

Введение

Проблема Геттиера – самая заметная проблема аналитической эпистемологии в XX в. Она опровергает такие подходы в знании, в которых убеждение и истина являются его необходимыми и обособленными друг от друга элементами. В России существует достаточно обширная дискуссия на эту тему¹. В данной статье я разберу стратегии преодоления этой проблемы. В настоящей работе рассмотрены стратегии возможного решения проблемы Геттиера. В начале статьи затронуты вопросы генеалогии проблемы: почему она возникла в философии так поздно и отчего оказалась актуальной для эпистемологии. Далее рассмотрены основные конвенции, которые были достигнуты в рамках дискуссии по этой проблематике. Этот раздел содержит ответы на возможные возражения в адрес аналитических эпистемологов. После раскрыты стратегии сохранения анализа знания на примере избранных эпистемологических теорий. Затем перечислены перспективные способы отказа от анализа знания и эксплицированы некоторые из них. В заключение приводится возражение, согласно которому значимость проблемы Геттиера переоценена, поскольку связанная с ней дискуссия не имеет серьезных последствий для общества.

Постановка проблемы

Понимание знания как убеждения, которое имеет *различимый признак истинности* (*discernible mark of truth*), широко разделялось философами западной традиции. Такой взгляд в современной аналитической философии называется *классическим инфаллиблизмом* (*infallibilism*) [Dutant, 2015]. *Классический инфаллиблизм* сталкивается с проблемой скептицизма, согласно которой мы либо очень редко обладаем знанием,

¹ Обзор отечественной дискуссии не входит в цели данной работы. Обзор дискуссии в отечественной эпистемологии см. [Куслий, 2011]. Также см. [Никифоров, 2009; Ольховиков, 2009; Ламберов, 2010].

либо не обладаем им никогда. Если знание – это убеждение, которое имеет различимый признак истинности, то легко усомниться в том, что мы вообще способны обладать какой-либо истиной. Однако мало кто готов заплатить такую большую цену за интуитивно убедительное определение знания. Некоторые аналитические философы в середине XX в. отклонили *классический инфалибализм* [Dutant, 2015, 96]. Те, кто отклонил идею «различимости», заняли позиции экстернализма – взгляда, согласно которому если субъект S знает пропозицию P, то S не обязан знать обоснования P. Те, кто отклонил «признак истинности», заняли позиции интернализма – подхода, согласно которому если S знает, что P, значит, обоснование P содержится в сознании S. В рамках интернализма возник взгляд, согласно которому знание – это обоснованное истинное убеждение (Justified True Belief, далее JTB).

Философы придумали большое количество примеров того, когда JTB не является знанием. Обратимся к примеру с часами. Мы посмотрели на часы: стрелки часов показывали, что «сейчас 14:45». Однако часы, на которые мы посмотрели, были неисправными. Но в тот момент, когда мы смотрели на часы, по совпадению было именно это время – 14:45, время на котором стрелки часов замерли. Итак, «сейчас 14:45» – это обоснованное убеждение, истинное благодаря совпадению².

Современная дискуссия по этой проблеме была инспирирована статьей Эдмунда Геттиера [Gettier, 1963]. Примеры, которые соответствуют критериям знания какой-то теории, но интуитивно не являются знанием, были названы «случаями Геттиера» (Gettier cases). За время существования дискуссии было предложено множество случаев Геттиера, которые демонстрировали несостоятельность одних теорий знания и обосновывали другие. Перед тем, как я раскрою возможные решения проблемы, рассмотрим основные конвенции в этой теме.

Конвенции в анализе знания³

Анализ знания занимается пропозициональным знанием.

Обычно знание можно выразить в форме пропозиции. Если знание – это соединение субъекта с объектом, который выражается в пропозиции, то пропозиция находится на другом конце знания от субъекта. Пропозиция – это смысл, который содержится в предложении. В рамках дискуссии о знании такие пропозиции обычно встречаются в форме «S знает, что P». Термин «пропозиция» удачно подходит для работы со знанием: он достаточно техничен и не пере-

² Этот пример основан на случае Бертрانا Рассела [Russell, 1949, p. 170].

³ Данный раздел опирается на [Zagzebski, 2008, p. 3–5].

гужен коннотациями. В отличие от термина «высказывание» он не настолько сильно привязан к языку. То, что мы имеем в виду под положением, в котором «S знает, что P», необязательно выражается в языке. Еще одно важное свойство пропозиции – обычно она может быть истинной или ложной в повседневно общеупотребимом смысле этих слов.

Анализ пропозиционального знания отличается от анализа других видов знания.

Кроме знания, содержащегося в форме смысла, есть и непропозициональное знание. К примеру, Гилберт Райл разделял пропозициональное знание и «знание-как». Ко второму типу относятся различные умения или навыки, привычная форма существования которых не выражается в пропозиции. Например, знание того, как водить велосипед. Непропозициональное знание имеет другую структуру. Из этого следует, что для его описания нужна другая модель знания. Анализ непропозиционального знания выходит за рамки настоящей работы, поэтому в дальнейшем тексте под знанием всегда подразумевается пропозициональное знание.

Знание всегда включает в себя ментальное состояние [Nagel, 2014].

В пропозиции «S знает, что P» есть некоторый факт P (или набор фактов), а также субъект S, который владеет этим фактом. Субъект обладает знанием, формируя определенное ментальное состояние. Этим субъектом необязательно должен быть человек. Можно предположить, что знанием обладают высшие млекопитающие, или, например, развитый искусственный интеллект. Однако этот вопрос выходит за рамки нашей работы. В дальнейшем во всех примерах мы будем использовать человека в качестве субъекта знания. Для человека знание является ментальным состоянием, которое каким-то образом связано с внешним миром.

Исходя из того, что у субъекта знания обязательно есть ментальное состояние, долгое время предполагалось, что для обозначения этого состояния следует использовать термин «убеждение» (belief⁴), в качестве более широкого понятия, тогда как само знание является частным случаем убеждения. Однако в современной эпистемологии тезис о том, что «знание – частный случай убеждения в совокупности с другими компонентами», является предметом дискуссии,

⁴ Термин belief можно также перевести как «вера». В контексте этой дискуссии это понятие следует понимать именно как убеждение – пропозиция о мире, с которой субъект пропозиции согласен.

и многие философы не разделяют его. Этот вопрос раскрывается в разделе «Знание прежде всего».

Знание – это истинная пропозиция.

Если мы знаем что-то, то мы также предполагаем, что такое знание будет истинным. Если же выяснится, что то, что мы считали знанием, на деле оказалось заблуждением, то мы перестанем считать это убеждение знанием. Эта интуиция разделялась большинством философов на протяжении всей истории западной философии. В дискуссии о знании обычно используется *корреспондентная теория истины* как интуитивный и самый распространенный взгляд на то, что такое истина.

Решения проблемы Геттиера

Обобщая все решения проблемы Геттиера, можно выделить две базовые стратегии: либо улучшить JTB-анализ, либо отказаться от него как полностью неверного подхода. В рамках первой стратегии есть три опции: 1) добавить к JTB дополнительное условие X, которое делает построение случаев Геттиера невозможным (модель знания в форме JTB + X); 2) заменить обоснование на другой элемент; 3) усилить обоснование так, чтобы оно преодолевало проблему Геттиера. Я рассмотрю примеры этих трех опций в указанном порядке на примере отдельных эпистемологических теорий. Затем я расскажу о двух подходах, в которых отвергается JTB-анализ.

Без ложных убеждений.

В случаях Геттиера можно заметить общий элемент – ложная посылка, которая ведет к правильному выводу. В случае с часами это то, что они показывают правильное время. Если мы добавим к JTB дополнительное условие, а именно что не должно быть ложных убеждений, то вышеописанные случаи Геттиера перестают работать. Майкл Кларк предположил, что классическое понимание знания как JTB можно сохранить, добавив дополнительный принцип «без ложных убеждений» [Clark, 1963]. Его модель знания выглядит следующим образом:

S убежден, что P

Убеждение S, что P, обоснованно

P истинно

Убеждение S, что P, строится на правильных основаниях

Однако эта позиция столкнулась с непреодолимыми трудностями. Так, представим себе детектива, который расследует убийство. Он имеет множество материальных доказательств и свидетельских показаний в пользу того, что обвиняемый в убийстве виновен. Но если хотя бы одно из свидетельских показаний было ложным, то, в соответствии с теорией Кларка, следует заключить, что убеждения детектива не являются знанием. Однако огромное количество других доказательств в пользу виновности подозреваемого делают такой вывод необудительным.

Эта позиция сталкивается и с другой, пожалуй, более серьезной проблемой. Дело в том, что не все случаи Геттиера выстраиваются исходя из ложных умозаключений. Это можно продемонстрировать на примере человека, который в парке наблюдает за овцой⁵. Он считает, что «на поле есть овца». На самом деле он наблюдает за псом, который издали напоминает овцу. Однако вне поля зрения наблюдателя рядом с собакой на этом поле действительно гуляет овца. Получается, что убеждение этого человека является обоснованным (мы склонны считать убедительными такого рода суждения), истинным (на поле действительно была настоящая овца) и оно не возникает из ложного основания. Однако оно правильное в силу удачного стечения обстоятельств (*luck*), а потому не является знанием. Иными словами, для определения знания, которое предлагает Кларк, возможен случай Геттиера, а, следовательно, это определение знания не лучше классического определения знания как истинного и обоснованного убеждения.

Каузальная теория

Автор самой известной каузальной теории знания – Элвин Голдман был удовлетворен ЛТВ-анализом, когда дело касалось априорного знания, например математических утверждений [Goldman, 1967, p. 357]. В связи с этим каузальная теория Голдмана сосредоточена на эмпирическом знании. В эмпирических случаях он предлагает заменить «обоснование» на «корректную каузальную связь». Каузальная связь может быть свидетельством, чувственным восприятием и умозаключением. Модель знания Голдмана выглядит следующим образом:

S убежден, что P
 Убеждение S имеет правильную каузальную связь с P
 P истинно

⁵ Пример взят из [Chisholm et al., 1989, p. 93]

Каузальная теория убедительна благодаря интуиции о существовании в основании случаев Геттиера причинно-следственного разрыва между эмпирическим положением дел и тем, что думает об этом носитель истинного убеждения. Так, в случае с овцой на поле – это разрыв между тем, что на поле есть собака, похожая на овцу, и суждением «на поле есть овца», отсылающим к совсем другому существу. В случае же с часами – то, что они сломаны, и то, что мы считаем их работающими.

Каузальную теорию критиковали за то, что критерий каузальной связи не является достаточно ясным: существуют случаи, когда непонятно, является ли конкретная каузальная связь достаточным условием для знания. Представьте, что вы сидите на кухне с вашим другом Ричардом. Вы обращаете внимание на обои и говорите ему: «Ричард, у тебя очень красивые обои зеленого цвета». Знает ли теперь Ричард, что обои на его кухне зеленого цвета, с учетом того, что Ричард от рождения слепой?

Другая линия критики исходит от интернализма. Интерналисты полагают, что знание, не имеющее обоснования в качестве необходимого компонента, является изъяном. Благодаря тому, что в каузальной теории обоснование заменяется на каузальную связь, у нее есть примечательное следствие: если кто-то считает, что Юпитер – самая большая планета Солнечной системы, то не очень важно, откуда ему или ей это известно. Важно, чтобы каузальная связь работала надлежащим образом. Допустим, что знание о размере Юпитера мы получили из учебника. Каузальная связь контента про Юпитер в учебник попала через длинную цепочку посредников из вычислений астрономов. Экстернализм в целом и казуальная теория в частности полагают, что не очень важно, знаем ли мы что-то или нет о вычислениях астрономов или откуда мы взяли этот факт, чтобы считать его знанием. Однако интерналисты находят отсутствие обоснования в этой модели существенным недостатком.

Еще один повод для критики каузальной теории – фокус на эмпирическом знании. Почему мы должны давать особое определение для апостериорного знания, когда само по себе различие на априорные и апостериорные суждения неоднозначно?⁶

Еще одну линию атаки выбирает сам Голдман, неудовлетворенный собственной теорией. Представим, что Генри едет на машине по сельской местности. Вокруг по полю возведено огромное множество амбаров. Генри смотрит на один из них и говорит: «Здесь стоит амбар». Это каузально надлежащим образом сформированное

⁶ Заметный защитник этого различия Дэвид Чалмерс [Chalmers, 2011, p. 408] не пытается доказать, что это различие можно провести всегда, его устраивает то, что оно в принципе проводимо однозначным образом в некоторых случаях. Едва ли это может устроить философов, когда речь заходит о знании.

истинное убеждение. Но на самом деле все остальные амбары – всего лишь макеты. Местные власти решили возвести фальшивые амбары из эстетических соображений. Но именно тот амбар, на который Генри посмотрел по случайному совпадению, оказался настоящим амбаром. Голдман утверждает, что это не знание, а удачное совпадение⁷. Исходя из этого, он меняет свои убеждения о знании на релайабиллизм (reliabilism) [Goldman, 1976]

Релайабиллизм

Интуитивно кажется, что знание – это связь субъекта с реальностью. Каузальная связь кажется недостаточной. Релайабиллизм предполагает, что в основании этой связи лежит надежный механизм, который скорее всего приведет к истинному убеждению. Надежность можно сформулировать, например, так: если P окажется ложной, то S должен заключить, что P ложно. Если же истинной, то S должен заключить, что P истинно. Допустим мы пришли в зоопарк и увидели зебру. Это была действительно зебра, и мы это знали, потому что знаем, как выглядит зебра. Но представим, что рядом с ней стоял осел, покрашенный как зебра (смотрители зоопарка решили подшутить над посетителями). Мы будем знать, что перед вами зебра только в том случае, если способны отличить такого осла от настоящей зебры и при этом принимать за зебру настоящую зебру. Взятая в качестве примера близкого к релайабиллизу отслеживающая теория Нозика [Nozick, 1981] формулируется следующим образом:

S убежден, что P
 P истинно
 S будет убежден в P , когда оно истинно,
 Если P ложно, то S будет убежден в том, что P ложно.

Такого типа критерий надежности Голдман называет локальной надежностью. Она может принимать разные формы. Часто она формулируется через релевантные возможные миры: S обладает надежным убеждением, если во всех близких возможных мирах он также не будет ошибаться по поводу этого факта P .

Релайабиллизм не предполагает, что критерий надежности всегда приводит к истинному убеждению, но он делает это с высокой

⁷ Здесь следует отметить, что не все разделяют эту интуицию. Например, Рут Милликан полагает, что Генри обладает знанием, когда смотрит на амбар [Millikan, 1995, p. 260]. По какой-то причине интуиции по поводу знания в случае с ложными амбарами не работают однозначным образом.

степенью вероятности. В противном случае, релайабиллизм ведет напрямую к скептицизму, так как критерий становится слишком строгим. Поэтому возникает вопрос – какой должна быть эта вероятность? Допустим, некто купил билет в лотерею. Вероятность проигрыша составляет 99,99%. Можно ли сказать, что мы *знаем*, что этот некто не выиграет в лотерею? Кто-то согласится с этим. Кто-то скажет, что пока лотерея не закончилась, мы не можем знать, а лишь говорим с очень высокой степенью уверенности. Неясно, как стоит решать эту проблему.

Также релайабиллизм сталкивается с проблемой генеральности (*generality problem*). Как определять механизм формирования убеждений? Он может быть как достаточно общим, так и обладать узкой спецификой. В случае с амбарами – это может быть как восприятие через органы чувств в целом, так и способность визуально определить по фасаду сущностные характеристики объекта, выглядящего как амбар. Какой из механизмов следует применять в конкретных ситуациях, чтобы убеждение можно было считать знанием? Если механизм определить слишком широко, то из него необязательно следует, что он надежный: простое умение пользоваться чувственными данными не даст Генри надежного вывода о том, какой перед ним амбар. Если же слишком узко, то любое истинное убеждение будет приниматься за знание.

Один из способов защиты сторонников релайабиллизма – это апелляция к тому, что данная проблема свойственна не только релайабиллизму, но и любому другому подходу. Можно предположить, что механизм формирования убеждений значим для любой теории знания. Допустим, у нас есть ученый, который обвинил своего коллегу в фальсификации данных исследования. У него были все доказательства для разоблачения, но сделал он это потому, что ненавидел своего коллегу, а не из этических убеждений. Интуитивно правильным будет считать, что такое разоблачение было результатом неправильных механизмов формирования убеждения. Поэтому любой эпистемологический подход должен иметь основания для того, чтобы критиковать этого ученого. Тем не менее интерналисты склонны считать, что проблема метода – специфическая для экстернализма.

Отдельно стоит выделить критику релайабиллизма Хилари Корнблисом [Kornblith, 2007]. Согласно Корнблису, релайабиллизм пытается дать определение, которое будет отвечать нашим интуициям. Цель этой теории – определить знание как языковое понятие, однако с философской точки зрения этот проект не кажется интересным. Важно то, чем является знание метафизически. Это подразумевает, что хорошая теория знания должна прояснить природу этого явления, а не дать удачное определение. Стоит отметить, что эта критика применима ко многим теориям в анализе знания.

Защитники релейабиллизма склонны считать, что одно из достоинств их подхода – успешное прохождение теста Геттиера. В случае с часами – достаточно посмотреть на минуту позже, чтобы совершить ошибку. В случае с амбаром, если бы амбар оказался декоративным, Генри бы допустил ошибку и принял его за настоящий.

Случаи Геттиера имеют элемент удачи, какое-то маловероятное стечение обстоятельств. Незначительное отклонение от заданных случаев обстоятельств ведет к ложному убеждению. Как только строится случай Геттиера, релейабиллизм ищет возможность для того, чтобы найти близкий сценарий, в котором субъект приходит к ложному заключению. Насколько близкой должна быть эта альтернативная возможность? Ведь эта граница может определяться не практическими соображениями, а необходимостью пройти тест Геттиера во что бы то ни стало. Из всех теорий в анализе знания релейабиллизм лучше всех справляется с проблемой Геттиера и при этом не сталкивается с проблемой скептицизма. Именно поэтому он снискал в конце XX в. такую популярность среди эпистемологов. Но можно ли представить такой случай Геттиера, который опровергнет релейабиллизм?

Случаи Геттиера: секрет приготовления

В статье 1994 г. «Неизбежность проблем Геттиера» Линде Загзебски [Zagzebski, 1994] удалось показать, что, если в теории знания существует разрыв между истиной и обоснованием (локальной надежностью, причинно-следственной связью и так далее), можно создать случай Геттиера, который опровергнет такую теорию. Этот тезис справедлив как для интернализма, так и для экстернализма. В интернализме разрыв возникает из-за недоступности каких-то данных для носителя истинной пропозиции. Например, в случае Рассела с часами носитель не знает, что часы сломаны, но стрелки показывают правильное время. В экстернализме брешь возникает между тем, что приводит к истине, и самой истиной. Загзебски иллюстрирует этот разрыв разбором случая про муляжи амбаров: у нас есть надежный способ формирования истинных убеждений, который позволяет сказать, что амбар настоящий, однако на деле нам просто повезло с амбаром. Из всех амбаров мы выбрали единственный настоящий в силу совпадения. До тех пор пока обоснованное, гарантированное (warranted) или надежное убеждение не ведет к истине с необходимостью, возможен случай Геттиера. Если же такая необходимость существует, тогда теория имеет слишком строгий критерий (как это было в классическом инфаллибиллизме), а значит, уязвима для скептицизма.

На основании этого анализа Загзебски предлагает рецепт опровержения любых перспективных теорий знания, в которых истина – необходимое условие.

Придумываем ситуацию, в которой субъект убежден в истинной пропозиции. Добавляем к пропозиции те дополнительные условия, которые требуют для знания теория, проверяемая на проблему Геттиера.

Теперь нужно сделать так, чтобы случай удовлетворял условиям опровергаемой теории, но по случайному совпадению.

Если после этого данный случай удовлетворяет условиям теории, но делает это в силу случайности, то теория опровергнута случаем Геттиера.

Итак, если существует зазор между истинной пропозицией и тем, что делает истинное убеждение знанием, то теория уязвима для проблемы Геттиера. В тезисной форме я намечу четыре перспективных выхода из этой ситуации:

1) знание – это более фундаментальное понятие, чем предполагают философы, поэтому мы не можем анализировать его, раскладывая на элементы, вроде убеждения, обоснования или истины;

2) мы не способны определить, что такое знание, так как нет таких общих элементов, которые есть у всех случаев знания;

3) знание предполагает неразрывную связь истины и убеждения (как это было в классическом инфантилизме);

4) знание в той или иной мере может быть ошибочным.

Ниже я рассмотрю два первых тезиса как наиболее дискутируемые в современной эпистемологии.

Знание прежде всего

Рассмотренные подходы в анализе знания основывались на интуиции, что знание – это связь ментальных (убеждения) и нементальных (истина) компонентов. Тимоти Вильямсон [Williamson, 2002] и его сторонники [Nagel, 2013; Miracchi, 2015; Cassam, 2009] полагают, что попытки решить проблему Геттиера оказались безуспешными, потому что знание – категория более фундаментальная, чем те элементы, с помощью которых мы пытаемся ее анализировать. Так, круг как геометрическая фигура в природе существует очень редко, если вообще существует, однако он фундаментальнее, чем его повсеместные проявления, близкие по форме к кругу. По аналогии, знание является более фундаментальной категорией, чем убеждение. Более того, убеждение (и ряд других понятий, таких как свидетельство или понимание) следует определять через знание [Williamson, 2002, p. 47]. Из фундаментальности знания Вильямсон выводит слоган своей эпистемологии – «knowledge first». Знание должно выйти на первое место.

Главный аргумент в пользу этого подхода – анализ знания не способен дать удовлетворительного ответа на вопрос «что такое знание?». Однако можно найти и дополнительные доводы в пользу «знания прежде всего». Так, если мы посмотрим на практику разных языков, то, например, в английском глагол «знать» – это гораздо более часто употребляемое и встречающееся слово, чем «иметь убеждение» (believe). В некоторых языках слова «убеждение» в отличие от «знания» просто нет⁸. Этот довод парируется тем, что распространенность категорий в языке не доказывает их фундаментальность [Ichikawa & Jenkins, 2017]. Также серьезная причина не принимать позицию движения «знание прежде всего» состоит в контринтуитивности утверждения, что знание – это ментальное состояние [Brueckner, 2002, p. 197].

Контекстуализм

В духе знаменитого пассажа Витгенштейна про игру можно предположить, что знание – это не сущность, которая имеет строгие границы, а группа родственных явлений, не имеющих общих фундаментальных свойств. Мы знаем, что на практике люди регулярно отвечают для себя на вопрос «что такое знание?» в рамках повседневных ситуаций. Когда преподаватель пытается понять на экзамене, знает ли студент его предмет, когда, увидев знакомое лицо, сомневаемся, знаем ли мы этого человека, за понятием «знать» стоят условия, соответствие которым ведет к удовлетворительному заключению. Однако если мы соберем множество возможных случаев знания, едва ли их будет объединять что-то общее на практике.

Это размышление соответствует взгляду, называемому эпистемическим контекстуализмом. Контекстуалисты полагают, что «знать» – это глагол чувствительный к контексту. У знания могут быть строгие критерии, а могут быть мягкие. Приведем следующий пример. *Низкий стандарт знания.* Стюарт летит в Детройт. В зале ожидания сосед уточняет: «Я тоже лечу в Детройт и изрядно устал. Ты не знаешь, это точно прямой рейс на Детройт? Остановка сейчас окончательно бы меня утомила!» Стюарт с билетом на руках отвечает: «Да, знаю. Этот рейс на Детройт без пересадок». *Высокий стандарт знания.* В точно такой же ситуации к Стюарту обращается человек в униформе с кейсом: «Я перевозю почку для ее пересадки

⁸ Например, в русском языке нет прямого аналога слова believe. Обычно мы переводим это слово как «верить», «иметь убеждение» или «иметь мнение». Однако такой перевод имеет отличные от английского аналога коннотации.

пациенту в Детройте. Мне нужен прямой рейс, иначе почка недотянет до пересадки, и пациент умрет. Не знаете, это прямой рейс?» Стюарт с билетом на руках отвечает: «Не знаю наверняка. Уточните у сотрудников авиакомпании»⁹. Этот и другие аналогичные примеры показывают, как люди меняют свои критерии знания в зависимости от контекста. На это можно возразить, что нас самом деле Стюарт не обладает знанием в обоих случаях или, наоборот, обладает, но решает соблюсти предосторожность во втором случае, исходя из прагматических соображений.

Контекстуализм имеет примечательную связь со скептицизмом: он принимает доводы различных взглядов на эту проблему знания, отмечая, что в определенных смыслах правы и скептики, и их оппоненты. Если применять низкие стандарты к слову «знать», то мы знаем, что не спим прямо сейчас. Однако если мы будем применять высокие стандарты, то мы не обладаем таким знанием. Критики этого подхода возражают тем, что перед нами все тот же скептицизм в новом облики [Nagel, 2010]. Однако контекстуалисты не утверждают, что высокие стандарты в отношении понятия «знать» лучше, чем низкие. Следовательно, скептики правы только до тех пор, пока они принимают остальные контексты использования этого термина.

Подобно тому, как контекстуализм не согласен со скептиками в том, что мы не можем чего-либо знать (или можем, но в слабом смысле этого слова), он не согласен с любой попыткой найти истинное определение знания. Контекстуализм – это способ отказа от того, что у знания есть метафизическая сущность. Оппоненты контекстуализма называются инвариантистами. Инвариантисты полагают, что существует единый стандарт знания. К ним относятся скептики, которые считают, что такое знание можно определить, однако для нас оно возможно не является достижимым. Все теории, которые рассматривались в предыдущих разделах, разделяют инвариантизм.

Геттиер нам не указ

Остается рассмотреть еще одну, малоприятную для эпистемологов опцию. Что если проблема Геттиера – это просто очередная головоломка философов¹⁰, не имеющая за собой большого практического смысла? Если в пустыне захотелось пить, а повсюду галлюцинации воды, у нас остается возможность проверить данные своих органов чувств. Если неправильно показывают часы, то это также рано или

⁹ Пересказ примера из [Turri, 2013, p. 169], основанного на примере из [Cohen, 1999].

¹⁰ Схожий взгляд можно встретить в [Никифоров, 2009].

поздно обнаружится. На протяжении всей истории философии, вплоть до XX в. философы после Платона не считали знание проблематичным понятием, а главной дискуссией в эпистемологии была проблема скептицизма [Dutant, 2015]. Неужели более чем полувековая дискуссия может перечеркнуть явно неслучайное игнорирование проблематичности знания в двух тысячелетней истории философии?

Более того, то, что кажется важным современным эпистемологам, вовсе не обязательно должно и может быть важным для тех, кто работает со знанием на практике и для кого оно имеет особую значимость. Ученые, инженеры, судьи, врачи, политические эксперты, разведчики и журналисты нуждаются в решениях, которые позволят им отделять знание от того, что похоже на знание, но на практике им не является. Однако сталкиваются ли они с проблемами чисто эпистемологического характера?¹¹

Когда кто-то задается вопросом о том, можно ли квалифицировать нечто как знание, то маловероятно, что такой вопрос будет формулироваться как «смог бы я согласиться с этим в ближайших релевантных ситуациях?» или «есть ли риск возникновения случая Геттиера?», но скорее «правильным ли является то, что я думаю об этом?», «а что, если я ошибаюсь?». Самое важное для нас в таких случаях – правы ли мы. Вопрос поиска истины относится к правильному обоснованию, аргументам, научным экспериментам, полемике в журналах, уликам, непротиворечивости данных, достоверности показаний, качеству экспертизы и так далее, но явно не к тому, какое определение знания является правильным. Актуальные в практической жизни эпистемологические вопросы могут звучать так: достаточно ли хорошо обоснована критика моего эксперимента? хватает ли улики, для того чтобы выдвинуть обвинения против подозреваемого в преступлении? убедительно ли звучит линия защиты в суде? почему мы ставим в приоритет ангиографию, а не дуплекс при диагностике атеросклероза? Такие вопросы решаются профессионалами внутри дисциплины, и привлечение ресурсов эпистемологии не представляется хорошей идеей. Это не значит, что эпистемологи не могут принести никакой пользы в подобных ситуациях. Однако, чтобы утверждать обратное, эпистемологам придется доказать свою полезность.

Допустим, каким-то образом философы разработают очень убедительную модель знания. Почему это может быть важно? Я приведу некоторые из вероятных сценариев, а затем возможный ответ критиков эпистемологии.

Эпистемологи находят универсальное определение знания (победа инвариантистов). Ответ: это не повлечет за собой значимых последствий, так как проблема Геттиера не оказывает заметного

¹¹ Бруно Латур вместе с Джоном Серлом полагают, что нет [Latour, 2007, p. 15].

влияния на другие дискуссии и не повлечет за собой серьезных изменений в жизни тех людей, для которых знание является значимым понятием. К какому бы решению ни пришли эпистемологи, процедура вынесения судебных решений, правила научной полемики, школьные программы едва ли кардинально изменятся от этого.

С помощью определения знания мы помогаем людям избежать случаев Геттиера в реальной жизни. *Ответ:* для тех, кто занимается производством знания (ученые, юристы, журналисты, теологи и проч.) проблема Геттиера не актуальна. Столкновение с таким случаем в реальной жизни слишком маловероятно для того, чтобы мы рассматривали случаи Геттиера как то, что полезно на практике: даже если кто-то с ними и столкнется, польза эпистемологии остается сомнительной, так как само по себе это явление достаточно тривиально. Идея распространения повсеместной верификации реальности на наличие случаев Геттиера – бессмысленное предприятие.

Мы не очень хорошо понимаем, что такое знание, и на самом деле говорим о разных вещах (контекстуализм). *Ответ:* продуктивность этого вывода состоит в том, что следует сократить финансирование исследований в эпистемологии. Так как эпистемология – одно из основных направлений аналитической философии, речь идет о вполне значительных суммах. Также теперь в спорах можно гораздо чаще поправлять собеседников указывая, что природа их разногласий кроется в языке, а не в убеждениях.

Знание – фундаментальная сущность, имеющая особый коррелят в сознании (знание прежде всего). *Ответ:* такой вывод повлияет на когнитивные исследования и, возможно, изменит наши некоторые представления о человеческом мышлении. Как это может повлиять на другие сферы, пока неясно.

С помощью этого раздела я хотел акцентировать внимание на возражении, которое часто высказывается в адрес философов. Согласно ему отдельные философские дискуссии или не имеют смысла, или не значимы для кого-либо, кроме участников дискуссии. Если мы хотим, чтобы поиск ответа на вопрос «что такое знание?» воспринимали всерьез за пределами эпистемологии, нам следует задуматься над обоснованием практической значимости наших проблем. Эпистемологи нередко апеллируют к тому, что знание фундаментально, ведь оно связывает две важнейшие для нас вещи: человека и внешний мир. Но может ли быть значимым то, что смогут сказать об этой связи сами философы? Предполагаю, что многие эпистемологи ответят на этот вопрос утвердительно. Однако, когда эпистемологов спрашивают, «зачем понимать, что такое знание?», нам нужен обоснованный и убедительный ответ на этот вопрос.

Список литературы

Куслий, 2011 – *Куслий П.* Знание, проблема Геттиера и некоторые дискуссии в современной отечественной эпистемологии // Вестник ТГУ. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2011. № 2. С. 34–54.

Ламберов, 2010 – *Ламберов Л.* Как важно быть серьезным: о некоторых критиках Геттиера // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2010. № 4. С. 84–90.

Никифоров, 2009 – *Никифоров А.* Анализ понятия “знание”: подходы и проблемы // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2009. № 3. С. 61–73.

Ольховиков, 2009 – *Ольховиков Г.* Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контрпримеры // *Логос.* 2009. № 2. С. 44–53.

Фролов, 2013 – *Фролов К.* О нюансах перевода и цитирования в контексте проблемы Геттиера // *Вопр. философии.* 2013. № 11. С. 168–173.

Brueckner, 2002 – *Brueckner A.* Williamson on the Primness of Knowing // *Analysis.* 2002. Vol. 62. Pp. 197–202.

Cassam, 2009 – *Cassam Q.* What is Knowledge? // *Royal Institute of Philosophy Supplements.* 2009. Vol. 64. Pp. 101–120.

Chalmers, 2011 – *Chalmers D.* Revisability and Conceptual Change in “Two Dogmas of Empiricism” // *Journal of Philosophy.* 2011. Vol. 108. Pp. 387–415.

Chisholm, 1957 – *Chisholm R.* Perceiving: A Philosophical Study // *Philos. Q.* 1957. Vol. 9. Pp. 366–373.

Chisholm, 1964 – *Chisholm R.* *Theory of Knowledge*, 1st ed. NJ: Prentice-Hall Englewood Cliffs, 1966. 117 pp.

Chisholm, 1989 – *Chisholm R.* *Theory of Knowledge*, 3rd ed. NJ: Prentice-Hall Englewood Cliffs, 1989. 104 pp.

Clark, 1963 – *Clark M.* Knowledge and Grounds: A Comment on Mr. Gettier’s Paper // *Analysis.* 1969. Vol. 24. Pp. 46–48.

Cohen, 1999 – *Cohen S.* Contextualism, Skepticism, and the Structure of Reasons // *Philosophical Perspectives.* 1999. Vol. 13. Pp. 57–89.

Dutant, 2015 – *Dutant J.* The Legend of the Justified True Belief // *Analysis.* 2015. Vol. 29. Pp. 95–145.

Ichikawa & Jenkins, 2017 – *Ichikawa J., Jenkins C.* On Putting Knowledge First // *Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind / Ed. by J.A. Carter, E.C. Gordon & B. Jarvis.* Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. Pp. 113–131.

Gettier, 1963 – *Gettier E.* Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis.* 1963. Vol. 23. Pp. 121–123.

Goldman, 1967 – *Goldman A.* A causal theory of knowing. *J. Philos.* 1967. Vol. 64. Pp. 357–372.

Goldman 1976, – *Goldman A.* Discrimination and Perceptual Knowledge // *Journal of Philosophy.* 1976. Vol. 73. Pp. 771–791.

Kornblith, 2007 – *Kornblith H.* Naturalism and Intuitions // *Grazer Philosophische Studien.* 2007. Vol. 74. Pp. 27–49.

Latour, 2007 – *Latour B.* A Textbook Case Revisited. Knowledge as Mode of Existence // *The Handbook of Science and Technology Studies*, 3rd ed. // Ed. by E. Hackett, M. Lynch, J. Wajcman, O. Amsterdamska. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. Pp. 83–112.

Millikan, 1995 – *Millikan R.* White Queen Psychology and Other Essays for Alice. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 400 pp.

Miracchi, 2015 – *Miracchi L.* Knowledge Is All You Need // *Philosophical Issues*. 2015. Vol. 25. Pp. 353–378.

Nagel, 2013 – *Nagel J.* Knowledge as a Mental State // *Oxford Studies in Epistemology*. 2013. Vol. 4. Pp. 275–310.

Nagel, 2014 – *Nagel J.* Knowledge: a Very Short Introduction. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. 133 pp.

Nozick, 1981 – *Nozick R.* Philosophical Explanations. N. Y.: Harvard University Press, 1981. 764 pp.

Russell, 1949 – *Russell B.* Human Knowledge, Its Scope and Limits // *Mind*. 1949. Vol. 58. Pp. 369–378.

Turri, 2013 – *Turri J.* Linguistic Intuitions in Context: a Defense of Nonskeptical Pure Invariantism // *Intuitions* / Ed. by A. Booth, D. Rowbottom. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 165–184

Williamson, 2002 – *Williamson T.* Knowledge and its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2002. 340 pp.

Zagzebski, 2008 – *Zagzebski L.* On Epistemology. N. Y.: Nelson Education, 2008. 198 pp.

Zagzebski, 1994 – *Zagzebski L.* The Inescapability of Gettier Problems // *Philosophical Questions*. 1994. Vol. 44. Pp. 65–73.

References

Brueckner, A. “Williamson on the Primness of Knowing”, *Analysis*, 2002, vol. 62, pp. 197–202.

Frolov, K. “O nyuansah perevoda i tsitirovaniya v kontekste problemyi Gettier’a” [About the Nuances of Translation and Citation in the Context of the Gettier Problem], *Voprosy filosofii*, 2013, pp. 168–173. (in Russian)

Kusliy, P.S. “Znanie, problema Gettier’a i nekotorye diskussii v sovremennoy otechestvennoy epistemologii” [Knowledge, Gettier Problem and Some of the Discussions in the Homeland Contemporary Epistemology], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science* 2011, no. 2, pp. 34–54. (In Russian)

Lamberov, L. “Kak vazhno byit sereznyim: o nekotorykh kritikah Gettier’a” [How Important Is to Be Serious: about Some Critics of Gettier], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2010, vol. 26, pp. 84–90. (In Russian)

Nikiforov, A.L. “Analiz ponyatiya znaniya: podkhody i problem” [Analysis of the Problem of Knowledge: Approaches and Problems], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2009, no. 3, pp. 61–73. (In Russian)

Olkhovikov, G.K. “Znanie kak istinnoe i obosnovannoe mnenie: kak obezvredit’ kontrprimery” [Knowledge as True, Justified Belief: How to Neutralize Counterexamples], *Logos*, 2009, vol. 70, no. 2, pp. 44–53. (In Russian)

Cassam, Q. “What is Knowledge”, *Royal Institute of Philosophy Supplements*, 2009, vol. 64, pp. 101–120.

Chalmers, D. "Revisability and Conceptual Change in 'Two Dogmas of Empiricism'", *Journal of Philosophy*, 2011, vol. 108, pp. 387–415.

Chisholm, R. "Perceiving: A Philosophical Study", *Philosophical Questions*, 1957, vol. 9, pp. 366–373.

Chisholm, R. *Theory of knowledge*, 1st ed. N. J.: Prentice-Hall Englewood Cliffs, 1966, 117 pp.

Chisholm, R. *Theory of knowledge*, 3rd ed. N. J.: Prentice-Hall Englewood Cliffs, 1989, 104 pp.

Clark, M. "Knowledge and Grounds: a Comment on Mr. Gettier's Paper", *Analysis*, 1969, vol. 24, pp. 46–48.

Cohen, S. "Contextualism, Skepticism, and the Structure of Reasons", *Philosophical Perspective*, 1999, vol. 13, pp. 57–89.

Dutant, J. "The Legend of the Justified True Belief Analysis", *Philosophical Perspective*, 2015, vol. 29, pp. 95–145.

Ichikawa, J. & Jenkins, C. "On Putting Knowledge 'First'", in: J.A. Carter, E.C. Gordon & B. Jarvis (eds.). *Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017, pp. 113–131.

Gettier, E. "Is Justified True Belief Knowledge?", *Analysis*, 1963, vol. 23, pp. 121–123.

Goldman, A. "A Causal Theory OF Knowing", *Journal of Philosophy*, 1967, vol. 64, pp. 357–372.

Goldman, A. "Discrimination and Perceptual Knowledge", *Journal of Philosophy*, 1976, vol. 73, pp. 771–791.

Kornblith, H. "Naturalism and Intuitions", *Grazer Philosophische Studien*, 2007, vol. 74, pp. 27–49.

Latour, B. "A Textbook Case Revisited. Knowledge as Mode of Existence", in: E. Hackett, M. Lynch, J. Wajcman & O. Amsterdamska (eds.). *The Handbook of Science and Technology Studies*, 3rd Ed. Cambridge, MA: MIT Press, 2007, pp. 83–112.

Millikan, R. *White Queen Psychology and Other Essays for Alice*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995, 400 pp.

Miracchi, L. "Knowledge Is All You Need", *Philosophical Issues*, 2015, vol. 25, pp. 353–378.

Nagel, J. "Knowledge as a Mental State", *Oxford studies in epistemology*, 2013, vol. 4, pp. 275–310.

Nagel J. *Knowledge: a Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2014, 133 pp.

Nozick, R. *Philosophical Explanations*. New York: Harvard University Press, 1981, 764 pp.

Russell, B. "Human Knowledge, Its Scope and Limits", *Mind*, 1949, vol. 58, pp. 369–378.

Turri, J. "Linguistic Intuitions in Context: a Defense of Nonskeptical Pure Invariantism", in: A. Booth & D. Rowbottom (eds.). *Intuition*. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 165–184.

Williamson, T. *Knowledge and its Limits*. Oxford: Oxford University Press, 2002, 340 pp.

Zagzebski, L. *On Epistemology*. New York: Nelson Education, 2008, 198 pp.

Zagzebski, L. "The Inescapability of Gettier Problems", *Philosophical Questions*, 1994, vol. 44, pp. 65–73.